Лейла, которая продолжает распространять злонамеренные слухи о Лизе, опозорена, и ее репутация в социальных кругах в конечном итоге падает.

Внезапно они меняют свое мнение, признавая Лизе женой Клиффа и вместо этого нацеливаясь на Киллиана.

Размышляя об этом, я кое-что поняла задним числом.

‘О, Эдит в оригинале даже не в том положении, чтобы подвергаться нападению. Клифф и Киллиан оба положили глаз на Лизе, вот почему она единственная, на кого нападают!’

Но теперь все по-другому.

Им было бы легче напасть на меня, у которой нет холма, на который можно взобраться [1], и занять место рядом с Киллианом, чем связываться с Лизе, которая, похоже, находится под защитой Людвигов.

[1] Не на кого положиться.

‘Ну, тогда это просто вопрос вероятности’.

И, к сожалению, предложение Синклеров создало для меня прекрасную возможность упасть.

‘Даже если бы я была герцогом, я бы все равно предпочла Лейлу себе’.

От Ригельхоффов больше ничего нельзя было добиться.

Ценность Эдит Ригельхофф уже достигла дна.

‘Кроме того, если от Ригельхоффов в ближайшее время возникнут проблемы… предложение Синклеров будет выглядеть очень заманчиво.

В затылке у меня пульсировало.

‘Я могу развестись, даже если Киллиан не перережет мне горло’.

Ничто не дается легко.

Теперь речь идет не только о спасении моей жизни.

Конечно, если я разведусь, мне не придется беспокоиться о деньгах. У меня будет красивый особняк и щедрые алименты, как я и говорила на балу в честь Национального праздника.

‘Но…’

Я глубоко вздохнула и вернулась в гостиную.

Киллиан, который даже не смотрел в мою сторону, пока я не подошла, наклонился и прошептал, когда я занимала свое место.

“Разве она не может сходить в туалет одна? Почему ты просто не попросила горничную проводить ее?”

“Все же она гостья”.

“Ты слишком мила”.

Киллиан улыбнулся и пробормотал что-то, что я не смогла определить, было это упреком или комплиментом.

Улыбка, изогнувшая его губы, выглядела такой милой.

Увидев это, я пришла к осознанию того, что была жадной.

‘Теперь я хочу больше, чем особняк и деньги… Киллиан’.

К чему приведет история выживания злодейки, отступившей от своих принципов?

‘На самом деле, мне тоже интересно’.

Я залпом допила чай, чтобы сдержать вздох.

***

Граф Ригельхофф, который вел себя тихо после бала в честь Национального праздника, внезапно объявил территориальную войну дому Людвигов.

Когда Киллиан зашел в мою комнату, чтобы с обеспокоенным видом сообщить мне новости, я почувствовала, как по спине пробежал холодок, хотя я ожидала этого.

‘Ах, наконец-то...'

Момент, которого я так боялась, настал.

Территориальная война против дома Людвиг - это то же самое, что объявить, что дом Ригельхофф роет себе могилу.

Как мог граф, у которого есть только деньги, подумать об объявлении территориальной войны герцогу, которого называют героем войны…

‘Может быть, он верит в войска, которые есть у эрцгерцога Лэнгстона, но за герцогом Людвигом стоит целая императорская семья, дурак!’

Конечно, когда идет территориальная война между дворянами, императорская семья должна сохранять нейтралитет.

Но изучив всю историю, вы не найдете императорской семьи, которая оставалась бы абсолютно нейтральной.

‘Кроме того, даже без помощи императорской семьи войска герцога Людвига - это не шутка’.

Я никогда не видела их своими глазами, но автор книги “Я отвергаю твою одержимость” достаточно хорошо описал, насколько жестоко граф Ригельхофф потерпел поражение в территориальной войне.

Территориальная война также была прелюдией к провозглашению эрцгерцога Лэнгстона императором, поэтому в конечном итоге он был казнен, не сумев избежать клейма предателя.

“В чем причина?”

Киллиан пожал плечами в ответ на мой вопрос об их "поверхностной причине".

“Они говорят, что мы давили на них, чтобы они снизили цены на железную руду”.

“А вы?”

“Нет, на самом деле цену на железную руду снизил сам граф Ригельхофф, но он сказал, что это потому, что мы вынудили его, поэтому ему пришлось снизить ее”.

“Разве нет контракта или чего-то в этом роде?”

“Конечно, есть. Они спорят о чем-то, чему невозможно найти оправдание на бумаге”.

“Да, я знаю”.

Я покачала головой.

Граф Ригельхофф был совершенно не в себе и подвергал опасности свою семью.

Как ему удавалось растить своих детей с такой гордостью и эгоцентризмом?!

“Ты… все хорошо?”

“А?”

Киллиан посмотрел на меня с горечью на лице.

Только тогда я вспомнила, что человек, объявивший территориальную войну, был моим отцом.

“Ах, ну что ж… с этим ничего не поделаешь, правда? Полагаю, из-за этого я и Ригельхоффы стали совершенно чужими”.

“С твоей стороны мило так думать, но тебе придется собраться с духом. В зависимости от исхода войны, граф Ригельхофф будет…”

“Я знаю”.

Киллиана, казалось, удивил мой спокойный ответ.

Что ж, как бы сильно ты ни ненавидел своего отца, немного удивительно, что ты оказался настолько нечувствительным к перспективе его смерти.

Но таким ли должен быть отец? Мужчина, который не только издевается над своей маленькой дочерью, но и заставляет ее соблазнять мужчин, чтобы получить от них информацию?

Кроме того, я явно пыталась остановить его.

Он тот, кто пришел к своему собственному разрушению.

“Мой отец совершил шаг к государственной измене, не так ли?”

“… возможно”.

“Мой отец слишком жадный. Он не может смотреть на себя и свою семью объективно. Я пыталась отговорить его от этого, но…”

Я состроила жалостливую гримасу, изображая жертву, как могла.

Киллиан вздохнул вместе со мной и успокаивающе положил руку мне на плечо.

Я помолчала, чувствуя его теплую руку, а затем спросила: “Какова реакция императорской семьи?”

“Эрцгерцог Лэнгстон все еще притворяется невежественным, говоря, что к нему это не имеет никакого отношения, но все знают, что эта территориальная война станет отправной точкой государственной измены”.

“Эрцгерцог Лэнгстон - трус. Во что, черт возьми, он верит, чтобы сделать это...”

Есть предел тому, на что можно закрывать глаза.

Как это могло быть простой семейной враждой, когда граф Ригельхофф, который действовал как представитель эрцгерцога Лэнгстона и путался с империалистической знатью, объявил территориальную войну правой руке императора, герцогу Людвигу?

“Очевидно, откуда берутся убеждения эрцгерцога Лэнгстона: вдовствующая императрица. Поскольку она считает, что нынешний император не является сыном предыдущего императора”.

“Ерунда. Храм уже признал его чистоту крови двадцать семь лет назад, вот почему он смог взойти на трон”.

“Вдовствующая императрица считает, что признание храма в то время также было вызвано давлением со стороны предыдущего императора”.

“Тогда почему она говорит это только сейчас, через тридцать лет после коронации Его Величества Императора?”

“Неуважительно так говорить, но... вдовствующая императрица, похоже, психически неуравновешена, ей 98 лет”.

Вдовствующая императрица прожила так долго.

Поскольку ее муж и старший сын давно умерли, она поселилась в частном дворце, живя в своем собственном маленьком мирке, и вот уже несколько лет проявляла признаки слабоумия.

“Вы хотите сказать, что эрцгерцог Лэнгстон воспользовался этим”.

“Да”.

Эрцгерцог Лэнгстон тоже бесстрашен, он пытается реализовать свои амбиции взойти на трон, манипулируя старой женщиной, которая помнит события тридцатилетней давности более ярко, чем вчерашние.

“Измена, которая ждала тридцать лет, чтобы свершиться, я не знаю, как это назвать...”

“Возможно, сначала он и был готов отказаться от трона, но не Данне, сын эрцгерцога, и, вероятно, именно Данне уговорил на это вдовствующую императрицу”.

Предательство с целью передачи трона его сыну.

‘По крайней мере, он лучше, чем тот человек - граф Ригельхофф’.

Лучше, чем мужчина, который отослал свою дочь в качестве заложницы, а затем бросил ее, как только она перестала быть нужной. Ха.

“Я беспокоюсь о тебе”.

Да. Я тоже беспокоюсь за себя.

“Есть люди, которые могут захотеть напасть на тебя только потому, что ты дочь графа Ригельхоффа”.

“Я больше не Эдит Ригельхофф, я Эдит Людвиг”.

“Я это очень хорошо знаю. Вооружись этой мыслью. Если кто-нибудь тебе что-нибудь скажет, ты ответишь этим”.

“Это не должно быть сложно. Я больше беспокоюсь о том, что ты можешь пострадать”.

“Я тебе настолько нравлюсь, что ты так обо мне беспокоишься?”

“Я не хочу быть вдовой в таком возрасте”.

Киллиан тихо рассмеялся: “Ну, говорят, мухи роятся вокруг молодой вдовы", и я не хочу этого видеть”.

“Так что тебе лучше позаботиться о себе”.

Я нахмурилась, а Киллиан наклонился и крепко поцеловал меня.

Его сладкое дыхание и горячий язык развеяли мое беспокойство.

Нежно поцеловав, Киллиан отстранился, посмотрел на меня сверху вниз своими загадочными серыми глазами и прошептал: “Позволь мне воспользоваться этой возможностью, чтобы показать тебе, какой великий человек твой муж”.

“Надеюсь, ты не хвастаешься”.

Мы тихо рассмеялись и еще несколько раз слегка поцеловались.

Это был теплый момент, который почти заставил меня подумать, что он влюблен в меня.

‘Пожалуйста, Боже, пусть ничего плохого не случится’.

Ни Киллиан, ни я не были в настроении шутить, хотя и пытались отнестись к ситуации легкомысленно.

Я имею в виду, посмотрите на герцога Людвига, который даже не взглянул на меня с тех пор, как граф Ригельхофф объявил ему территориальную войну.

Возможно, Киллиан оказался в центре событий и в очень сложной ситуации.

Внезапно я вспомнила Лейлу Синклер, которая сказала мне максимально использовать свое положение жены Киллиана, пока у меня есть время.

http://tl.rulate.ru/book/106397/3894513